

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В МАССОВОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ

(на материалах Северной Осетии)

Н.Х. ДЗАГУРОВА

Актуальность темы исследования. Возрастание интереса к гендерному аспекту в исследовании политических институтов актуализирует изучение роли женщины в политике, а, следовательно, в массовом политическом сознании общества. Традиционное понимание политической деятельности связано с такими категориями как мужество, воля, хладнокровие, мудрость и предполагает в качестве ее основных игроков мужчин. Однако политика не полна, не универсальна с исключением женщин из политической жизни. Этим обусловлено обращение к исследованию образа женщины в политике.

Возникновение гражданского общества, разделение политики и экономики, политики и религии привело к появлению гендерных притязаний. Изменение социального и образовательного статуса женщины сделало возможным ее участие в политическом процессе. Одновременно обнаружилось отличие ее позиций от мужского выбора. Эти противоречия вызвали интерес к выявлению тех путей и решений, через которые можно прийти к определенному консенсусу.

Женщина и политика до недавних пор были разделены в массовом политическом сознании противоречиями, которые созданы искусственно. Добродетелью женщин считалось «равнодушие к политике», что могло трактоваться как угодно, но содержало табу на признание «простой женщины» участником политического процесса. Становясь частью общества «политические амазонки» не могли не обращаться к своим оппонентам, чтобы убедить их, что право избрания на высшую должность в полити-

ке более весомо проблем «эквивалентности оплаты мужского и женского труда».

Определенный поворот к «женской проблеме» наметился на фоне «дегендеризации» социально-профессиональной деятельности: «мужские» и «женские» профессии уходят к эпохе индустриального общества, современный «массовый» труд безличен к полу исполнителя. «Спрос» нивелирует мужчину и женщину, вкусовые и смысловые предпочтения формируются на основе внедрения «престижных образцов», нейтральных в отношении к гендерной идентичности. Американский исследователь С. Уолби выводит формулу «символичности» женщин в политике: гендерный дискурс изменяется в зависимости от конкретных политических проектов:

- они отвечают за биологическое воспроизводство общества;
- они воспроизводят границы этнических (национальных групп);
- они играют центральную роль в идеологическом воспроизводстве коллектива и передачи его культуре;
- они являются символом идеологических дискурсов, при помощи которых создаются, воспроизводятся и преобразуются политические категории;
- они участвуют в национальной, экономической политической и военной борьбе [1, 310].

Образ женщины зависит от «массового политического сознания», а это зависит от общества в котором он формируется, т.е. с «мужской», «женской» и «нейтральной» культурами. Современное общество приводит к трансформации социальных ролей, однако роль женщин в традицион-

ном обществе определяется не ее правом на выбор, а установлениями, предписаниями «свыше». Женщина живет в социокультурных ритмах «рождения», «созревания» и «фертильности». Политика характеризуется как сфера «иных», «ненаследуемых» женских качеств. В политику женщины вступают не по признаку, что они умеют, а что они имеют. В политику приходят те, кто обладает надлежащим «семейным» политическим капиталом.

Нормативность массового политического сознания реализуется в самоорганизации общества, в тех ценностных и нормативных моделях, которые признаны людьми в процессе социального взаимодействия. Бедные общества демонстрируют высокий уровень духовности, богатым свойственно безразличие к цивилизованному поведению.

Массовое политическое сознание чувствуется «теоретических», «обобщенных» формул участия женщин в политике. Л. Б. Хабицева, Ж. Цаллагова, Л. А. Туганова отражают не только особенности политической жизни РСО-А, в них уже отчасти мифологизированных образах содержатся направленность массового политического сознания. Для многонациональной Северной Осетии-Алании объединяющим может быть «духовная элита», которая всегда отклоняется от интересов «простого большинства». Элитарность Л. Б. Хабицевой, выражается в «скромности», которая многим может показаться подчеркнутой. Разделяя традиционные ценности осетинского общества, осетинский политический деятель «олицетворяла» динамизм и традицию, полагаясь на личное обаяние, собственный политический авторитет. Может для других такой «популизм» не привычен, но в массовом политическом сознании она соответствовала нормам добродетели политика.

Нормативность, ориентированность массового политического сознания на «идеалы» и «образцы» определяются возможностью влияния политической пропаганды. Часто власть для упрочнения законности может прибегнуть к «женскому

вопросу» тем самым подтверждают образ «либеральности» своей политики. С другой стороны они совершают безошибочные действия, отстаивание реальных или мнимых прав и недопущение в какой-то форме «ущемления» возведено в «навязчивый культ». Ясно, что упреки в мужском шовинизме предназначаются своим консервативным оппонентам, которые, чтобы завоевать симпатии масс внедряют в свой политический истеблишмент представителей «меньшинств -женщин», создавая эффект избавления общества от мнения предвзятости. Подобная пиаровская акция вряд ли бы имела успех и может изменить политическое сознание, при отсутствии реальных возможностей у женщин. В обществе, где неустойчив баланс традиционных и современных ценностей, наступательная позиция, сторонницы «полностью секуляризованного общества» привела к «восстановлению равновесия» и следующим спикером стал мужчина в РСО-А. Таким образом, нормативность политического сознания имеет «живой» социокультурный контекст и «реализует» историческую память общества, что на уровне анализа по схеме «современного индустриального общества» может выглядеть иррациональным.

Если в XIX в. для доказательства «различий» между мужчиной и женщиной убедительным аргументом служил биолого-медицинский цикл, то современное индустриальное общество эти различия вызывает к социокультурной обусловленности различий. Однако на уровне массового политического сознания «научные аргументы» теряют свою власть перед «комплексом опасности женщин». Массовому политическому сознанию демонстрируется образ «эффективного политика», гендерные характеристики нейтрализуются, половые относятся к «преодолению различий». Впрочем, используется и аргумент «женской слабости», поддерживается мнение, что женщина предпочитает «логику компромиссов», что соответствует стандартам толерантности, что в новейшее время более актуально.

Массовое политическое сознание проецируется на «высокую политику» таким образом, что общество принимает женщину-политика в период «рутинных изменений» или «последней надежды».

Л. Л. Рыбцова в статье «Общественно-политическая активность женщин», пишет что, на Западе феминистское движение было ориентированно на достижение женского равноправия, в России «женщины, как и мужчины, полагают под общественной деятельностью ту деятельность, которая предполагает достижение определенной власти. Власть связана с престижем, реализацией определенных потребностей в повышении статуса, обеспечении карьеры» [2, 79]. В отношении к власти превалирует «озабоченность своим будущим», что вызывает и растущее недоверие к власти со стороны общества, обслуживающей интересы отдельных лиц и групп.

Модернизация внешне решила вопрос политического равноправия, оставив за «приватной жизнью» статус неприкосновенности. «Равноправие» в политике означает конкуренцию, использование вымышленного или реального превосходства в борьбе с оппонентом. По отношению к женщине все-таки срабатывает концепция: интерес больше не к программе, а к личности женщин. Подразумевается, что с «семейной жизнью» у нее все в порядке, ибо меньше всего агенты массового сознания могут примириться с нарушительницей традиций. Увлекает и миф об «осторожности», «врожденном консерватизме» женщин. Женщина-реформатор в традиционном обществе отвергается, так как есть предубеждение, что она оторвана от идентичности и может в своем радикализме повергнуть общество в хаос.

Считается, что женщины могут внести в политику «толику» милосердия и лояльности. Однако женщине не приписывается дискурс ответственности, что высоко оценивается в «обществе ожиданий». К. Гаджиев призывает внести ясность в то, что «в массиве национального сознания каждого народа имеются базисные, врожденные элементы, определяющие сам дух,

менталитет, характер данного рода, и они не могут не накладывать родовую печать на его политическую систему» [3, 7]. Он не ставит в противоречие массовое политическое сознание и национальное сознание. Массовое политическое сознание связано с «взаимовлиянием» социокультурных контекстов и политических практик.

Феминистский подход ставит знак равноправия между возможностями женщин в политике и готовностью массового сознания принять и реализовать основные принципы и формы демократии. Массовое политическое сознание ориентировано не на нормативность, а на возможности в «женском вопросе». Ориентация женщин на профессиональную деятельность, материальную самостоятельность, самореализацию вызывает отторжение «массового сознания»: внушаемая ему идея «о веке «профессионалов» и усиливает недоверие к политике как «узкопрофессиональной деятельности». Парадоксом является выигрышность позиции тех политиков-женщин, которые «проявляют» слабость, демонстрируют свое право на исправление ошибки. В эпоху технократов женщине отводится «сдерживающая политику роль» придания ей нюансов индивидуальности.

«Раздвоенность» массового политического сознания заключается в том, что принимая, как данность, женщину в политике, ему проблематично признать «женщину для политики». Интерес к «обезличенным политикам» потерян. В современной политике утвердился функционализм, когда политик выступает представителем корпорации, именуемой партией, финансовой группой или общественным движением. Партийная идентификация, партийная лояльность формируется в семье [4, 198]. И партийные предпочтения одинаково могут быть предложены и мужчиной и женщиной. Женщина может быть «преуспевающим агентом» партийной идентификации, так как ее предпочтения обнаруживают более высокий авторитет, чем мужчины.

Женский вопрос воспринимается обществом решенным после изменений в электоральном законодательстве. Массо-

вое политическое сознание едино и толерантно, но репрессивно относится к негативному восприятию облика «массовой политики».

Массовое политическое сознание определяется «лидерскими» группами, которые заявляют от имени общества, что является актуальным и неактуальным, престижным и непрестижным. «Образованность» легче приводит к наращиванию возможностей воздействовать на его сознание: образование не допускает «недемократического» обращения к женщине, но в «культурном смысле» приводит к демократизации между «женскими» и «мужскими» сферами социальной жизни.

Образ женщины выключается из «аффективного состояния», хотя рационально женщина может восприниматься «анонимно» исполнителем определенной политической функции. Массовое политическое сознание придерживается уверенности, что это общепринято. Современная политика делает ставки на эффективность действий политика независимо от пола таковы критерии массового политического сознания.

Массовое политическое сознание ориентированно на напористость, но здесь уместнее согласиться с постмодернизмом, что «виртуальность» обладает гиперреальностью, то есть большим значением, чем реальность. Массовое политическое сознание сталкивается с «дефицитом конкретности», так как «узнаваемость», «близость» политиков основана на «эффекте мнения», нежелании «быть изгоем». Женщина в массовом политическом сознании демифологизирована и дегуманизирована, то есть допускается, что по отношению к ней возможны разные имморальные действия. Личность женщин, «женские добродетели» трактуются односторонне: она призвана «вносить благородство в политику, но ее мнение не симметрично принадлежности современной политике, которая исполняется по принципу эффективности.

Отклонение кандидатуры женщины аргументируется ее недостаточной профессиональной неподготовленностью: женщина

обладает немалым политическим опытом и ей доверяют сферу «низшей политики», не определяющей стратегию политического курса.

Пребывание женщин на посту министра информации, культуры и социальной политики является «новой дискриминацией» по мнению радикальных феминисток, что расценивается массовым политическим сознанием как «неумеренные претензии».

Претендуя на престижное политическое поведение Российский специалист по политическим технологиям В. Колпачев относит к критериям политического успеха «обаяние», которое часто используется как символ «женского» [5, 27]. В сочетании с финансовыми возможностями и информационной агрессивностью это дает эффект успеха. Массовое политическое сознание, воспроизводящее образ «женских добродетелей», переиначивает, модифицирует политику, делает ее прозрачной на уровне «узнавания» обычных человеческих импульсов, часто не догадываясь, что ему представлена «обманка» политического театра.

Обаяние, любезность, сердечность, приписываемые образу русской женщины, отличаются от «деловых политических дам», которые для массового политического сознания, выступают «безличными» политиками, партийными или государственными функционерами.

Иначе говоря, существует диспропорциональность массового политического сознания функционализму современной политики. Массовое политическое сознание «производно» от массовой политической культуры, по потребительским интенциям к политике и настроенности на «стабильность». Массовое политическое сознание в глубинных культурных смыслах мечтает о «возвращении» к золотому веку «идеальных отношений Адама и Евы». Вот почему оно откликается на «гармонию» женщин и мужчин в политике, не замечая гендерной асимметрии во власти. Это можно увидеть по данным таблицы 1.

Состав депутатов парламента РСО-А четвертого созыва
(2007-2012 гг.) [6, 33]

	Численность депутатов всего	по полу	
		мужчины	женщины
Всего	70	64	6
в том числе по фракциям:			
«Единая Россия»	53	49	4
«Коммунистическая партия Российской Федерации»	7	7	-
«Справедливая Россия»	6	5	1
«ЛДПР»	-	-	-
депутаты, не вошедшие в депутатские фракции	4	3	1

В массовом политическом сознании блокирован настрой на иррациональность жизни, но массовому политическому сознанию дозволено принимать «непредсказуемость поведения женщин, чтобы в анонимной политике просматривались «человеческие черты».

Женщина в политике играет символическую роль, и символ живет самостоятельной жизнью. Когда женщины-политики голосуют за принятие либеральной социальной политики, может показаться, что программы помощи «многодетным семьям» или «матерям-одиночкам» являются результатом инициативы мужчин-политиков, что женщины в силу своей малочисленности или «слабой воли» не противостоят натиску поборников «социального отбора». Массовое политическое сознание лишена новизны в суждениях о разделении функции полов в политике, забывает, что дискурс материнства в современном обществе эффектен, но не эффективен: «равенство» полов усугубляет различие в вопросе «об эквивалентной оплате труда» или государственной поддержке! Женщины могут иметь отличные от мужчин позиции, основанные на склонности «к ликвидации неравенства», а «равенство возможностей» приводит к усилению конкуренции между мужчинами и женщинами, между женщинами и женщинами.

Осетинское общество «многоукладно» в гендерном аспекте. Несмотря на много-

образии культурных и поведенческих установок, в образе осетинской женщины есть черты-константы, которые можно объявить «пограничными» к западным и восточным социокультурным стилям.

Женщина -осетинка – «новичок» в российской политике: в стране, не имеющей традиций феминизма, на всех возникающих движениях в защиту интересов женщин лежит печать «заимствования». Современные политиканы, чтобы завоевать популярность масс, ссылаются на опыт «бабьего века» величайших и царственных особ XVIII в. Но можно ли назвать исторические аналогии достаточным основанием для «женственности» российской политики?

В проблеме «женщина в политике» следует различать два аспекта. Существует некая закономерность демократизации: к обществу предъявляют счет по участию женщин в политике, и в РСО-А, как во всей России наблюдается стремительный рост «женских должностей». В отличие от казначейского аспекта в массовом политическом сознании россиян женщина ассоциируется с образом «смутной политики». Как бы ни упрекали российское общество в мужском шовинизме, эмоции по поводу женского равноправия в политике носят «клубный» или «узкоэлитарный» характер.

Подавляющее большинство женщин рассматривают политику через призму социальных проблем; их мало волнует, что в

политике могут блистать «представительницы» богатого класса. В силу отягощенности «социальным кризисом», ставящего под угрозу семью, здоровье и будущее детей, женщины не акцентируют внимание на гендерных различиях, так как им важен подход политика к актуальным вопросам ценовой, трудовой, образовательной политики. Политика закрыта для большинства женщин.

Избирательные права женщины не снимают ответственности женщины в домашней сфере. При устойчивом «кризисном»

состоянии российской семьи, политикой предпочитают заниматься либо профессиональные политики, прошедшие школу партийной, комсомольской советской номенклатуры (Л. Хабицева, Л. Туганова), либо энтузиасты от политики.

Женщина обращена к позитивным образам будущего, чтобы обозначить признаки улучшения. Образ женщины в политике имеет двойственный эффект как носителя и защитник умеренных преобразований в обществе.

-
1. Уолби С. Нации и национализм. М., 2002.
  2. Рыбцова Л. Л. Общественно-политическая активность женщин // Социологические исследования. 2001. № 4.
  3. Гаджиев К. С. Эпоха демократии // Вопросы философии. 1996. № 9.
  4. Политическая наука. 2001. №2.
  5. Колпачев В. Специалисты по идеологическим войнам // Профиль. 1998. № 10.
  6. Статистический ежегодник РСО-Алания. 2010. Владикавказ, 2010.